

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ И ЕДИНСТВА РОССИЙСКО-ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Трансформации, происходящие в современном российском обществе, предполагают пересмотр духовных ценностей и установок. Поэтому изучение в рамках философской науки творческого наследия классических евразийцев 20–30-х гг. XX в., ставивших перед собой вопросы о дальнейшем пути развития России, представляется необходимым шагом. Высказанные евразийцами идеи государственного и общественного устройства, основанного на нравственных принципах, могут иметь конструктивное значение в применении к современной действительности. Цель данной работы – проанализировать социальный проект классического евразийства и выделить в нем основы целостности российского государства и общества.

Материалы и методы. Достижение поставленных задач оказалось возможным благодаря изучению переизданных в конце XX – начале XXI столетия работ классических евразийцев. Особое место среди существующих о евразийстве материалов занимают ресурсы, размещенные в сети Интернет, в частности журналы, издававшиеся в России в начале XX столетия. Методология данного исследования включает: анализ трудов классических евразийцев и формулирование выводов на основе полученных данных, применение общенаучных методов – дедукции, синтеза, аналогии, обобщения, и метода исторической реконструкции, на основании которого было раскрыто содержание евразийского социального проекта.

Результаты. Исследовано философское учение классических евразийцев, уточнено понятие социального проекта, социально направленного государства, выделены и проанализированы основные сферы социального проекта евразийцев с позиции обоснования в них единства России-Евразии. В каждой из составляющих евразийского социального проекта выделены основания единства российского государства и населяющих его народов.

Выводы. Изучение философского учения классических евразийцев, и в частности их социального проекта, позволяет уяснить, что евразийство носит междисциплинарный характер, а социальный проект представляет собой комплексный феномен, обосновывающий единство и целостность России-Евразии с точки зрения различных евразийских концепций. Главным объединяющим принципом евразийского социального проекта выступает служение как основной нравственный принцип организации взаимоотношений в обществе, выражающийся главным образом в служении идее.

Ключевые слова: классическое евразийство, социальный проект, социальная направленность государства, целостность России-Евразии, месторазвитие, единая культура, равенство народов, общеевразийский национализм, языковой союз, общее дело, правообязанность, принцип служения, идея-правительница.

SUBSTANTIATION OF INTEGRITY AND UNITY OF RUSSIAN-EURASIAN WORLD IN THE SOCIAL PROJECT OF CLASSICAL EURASISM

Abstract.

Background. Transformations, taking place in contemporary Russian society, suggest revision of spiritual values and attitudes. Therefore, the study within the phi-

philosophical science of the creative heritage of classical Eurasians of 20s–30s of the twentieth century, who set the questions about the future path of development of Russia, is a necessary step. Eurasians expressed the idea of the state and social system based on moral principles that can have constructive significance when applied to contemporary reality. The aim of this work is to analyze the social project of classical Eurasism and distinguish on basis thereof the integrity of the Russian state and society.

Materials and methods. Achievement of objectives was realized through the study of the reprinted at the end of XX – beginning of XXI century works of classical Eurasians. A special place among the existing Eurasism materials is occupied by resources placed in the Internet, in particular, the magazines published in Russia in the early twentieth century. The methodology of this study includes the analysis of the works of classical Eurasians and formulation of conclusions on the basis thereof, application of such scientific methods as deduction, synthesis, analogy, generalization, and the method of historical reconstruction on the basis of which the content of the Eurasian social project was disclosed.

Results. The author researched the philosophical doctrine of classical Eurasians, clarified the concept of a social project, socially oriented state. The researcher identified and analyzed the main spheres of the social project of Eurasians from the position of justification of the unity of Russia-Eurasia in the project. In each component of the Eurasian social project the author highlighted foundation of the unity of the Russian state and its peoples.

Conclusions. The study of the philosophical doctrine of classical Eurasians and, in particular, their social project, allows us to understand that Eurasism has an interdisciplinary nature, and the social project is a complex phenomenon, justifying the unity and integrity of Russia-Eurasia in terms of various Eurasian concepts. The main unifying principle of the Eurasian social project is the serving as the primary moral principle of organizing social relationships, expressed in the service to idea.

Key words: classical Eurasism, social project, social orientation of the state, integrity of Russia-Eurasia, developmental space, mutual culture, equality of peoples, nationalism, language union, common affair, legal obligation, united Eurasian nationalism, principle of serving, ruling-idea.

Классическое евразийство возникло как общественное движение и философское направление в начале XX столетия, окончательно оформившись в 1921 г., когда в свет вышел первый евразийский сборник трудов, имевший символическое название «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Этими полными надежд и мечтаний о светлом будущем российского государства людьми были четверо молодых и талантливых авторов, работавших в самых различных областях науки: экономист и географ П. Н. Савицкий, один из лидеров движения, чьими усилиями евразийство просуществовало до конца 30-х гг. XX в.; князь Н. С. Трубецкой, этнограф и культуролог, написавший в 1920 г. брошюру «Европа и человечество» – книгу, которая «послужила важным стимулом начала обсуждения вопроса об исторических судьбах России и своеобразии ее культурно-исторического развития» [1, с. 44]; Г. В. Флоровский – единственный на момент возникновения евразийского течения входивший в него философ, впоследствии очень скоро, уже в 1923 г., отошедший от движения, выступая с критикой в его адрес; искусствовед П. П. Сувчинский, стараниями которого в круг евразийцев в дальнейшем вступит Л. П. Карсавин, чьи философские взгляды станут одним из фундаментальных оснований всего учения классического евразийства.

Усилиями этих, и в последующие годы многих других, эмигрировавших из России за границу и патриотично настроенных деятелей науки и искусства было создано учение об особом самобытном культурном, географическом, лингвистическом, экономическом, этнографическом мире России-Евразии. Согласно евразийцам, этот мир не является ни Европой, ни Азией, но вместе с тем вбирает в себя черты и первой, и второй. Евразийские мыслители детально разработали общественное и государственное устройство Российско-Евразийского мира, ставшее основой их социального проекта, ориентированного на возведение в России правового религиозно-нравственного государства, определяющей характеристикой которого является социальная направленность. В рамках социальной направленности государство прежде всего должно стремиться к воплощению и осуществлению принципа социальной справедливости, устанавливая в обществе определенные границы проявления эгоистических интересов категорий граждан, обладающих определенным превосходством над другими в количестве властных полномочий, материальных и других благах, а также ограждая социально не защищенные слои населения от произвола первых. В социальном проекте классических евразийцев эта характеристика так или иначе проявляется во всех его сферах, выражаясь в чувстве любви, солидарности, жертвенности, в первую очередь эгоистическими склонностями человека. Идея служения, в основании которой лежит нравственность, понимаемая как внутренняя установка человека действовать согласно своей совести и свободной воле, является основным выражением социальной направленности и выступает как главный принцип организации социальных взаимодействий.

Все учение классических евразийцев основывается на мысли о единстве и целостности Российско-Евразийского мира. Каждый из евразийских авторов, работая над определенной концепцией евразийского учения, подразумевал и имел своей конечной целью обоснование этой целостности. Идея единства России-Евразии – неоспоримый для евразийских мыслителей факт. Она изначально объединяла всех евразийцев, сумевших создать оригинальное учение, представляющее собой органический синтез наук. Именно в целостности Российско-Евразийского мира и видят евразийцы его главную особенность и уникальность.

В своей работе «Евразийство» П. Н. Савицкий писал, что название движения имеет «географическое» происхождение [2, с. 81]. И именно географическое обоснование единого территориального пространства российского государства является исходным пунктом в обосновании единства мира России-Евразии. Свой социальный проект евразийские мыслители также выстраивают на основании географической целостности Российско-Евразийского мира, представления о нем как о едином, созданном русским народом месторазвитии, едином политическом и государственном образовании, едином культурно-историческом мире с только ему присущими особенностями, отличающими его от Европы и Азии. Россия-Евразия, располагаясь на трех равнинах: Беломорско-Кавказской, Западно-Сибирской и Туркестанской, занимает, согласно евразийцам, срединное положение «в основном массиве земель Старого света» и «представляет собой особый мир, единый в себе» [2, с. 82]. Евразийцы отмечают, что этот «целый географический мир», который они называли по имени всего материка Евразией, является одним большим

месторазвитием – определенной географической средой, налагающей «печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» [3, с. 10]. По мнению евразийцев, географическая обстановка и социально-историческая среда сливаются, образуя некоторое целое и взаимно влияя друг на друга. Географические особенности Евразии, как утверждал Г. В. Вернадский, «во многом предопределили ход исторического развития русского народа», который «не только применился к своему месторазвитию, но в большей степени и сам создал это свое месторазвитие» [3, с. 10–12]. Ученый также отмечал, что сама история русского народа есть история «постепенного освоения Евразии русским народом» [3, с. 14], а следовательно, вся история российского государства должна рассматриваться только в свете истории Евразии, даже несмотря на то, что она, как полагал ученый, является таковой только с последней четверти XIX в. [3, с. 14]. По мнению евразийцев, «российское государство есть государство Евразийское», а судьбы России и Евразии должны быть «нераздельно слиты между собой» [3, с. 287]. Евразийские мыслители убеждены в том, что создание единого и цельного государственного образования России-Евразии составило длительный и сложный процесс ряда последовательных попыток его объединения, и в конечном итоге, отмечает Г. В. Вернадский, в начале XX в. Евразия представила «собой такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела» [3, с. 15–19]. Таким образом, целостность России-Евразии изначально, по мнению классических евразийцев, была предопределена географическими особенностями окружающей среды, что в свою очередь способствовало тому, что в ходе исторического развития народы, населяющие данное месторазвитие, создали на нем российское или «всеевразийское» государство, являющееся не только политическим механизмом, а громадным историко-культурным организмом, особым миром, особой частью света [3, с. 287].

Итак, географические характеристики обуславливают государственно-политическую целостность России-Евразии как единого месторазвития. «Евразия как географический мир как бы «предсоздана» для образования единого государства», – писал П. Н. Савицкий [4, с. 322]. Евразийцы отмечают поразительную силу политического единства России-Евразии, посредством которой российское государство смогло остаться единым вопреки начатому Петром I процессу европеизации, в результате которого произошел «культурный» раскол между народом и интеллигенцией [5, с. 46]. Географические условия выступили основанием для образования на территории российского государства исторической, в широком смысле культурной и экономической общности народов, населяющих евразийское месторазвитие. Отметим, что евразийцы акцентируют внимание на единстве государства России-Евразии, утверждая, таким образом, в первую очередь ее силу и мощь; не просто механическое, но обязательно органическое единство. Евразийский социальный проект, охватывая и в совокупности включая в себя и культурологическую, и религиозную, и политико-правовую, и лингвистическую, и этнографическую, и национальную, и экономическую евразийские концепции, концентрирует в себе мысль о единстве и особенности России-Евразии, основывается на ней, и каждый из перечисленных аспектов это единство выражает.

Населяющие Российско-Евразийский мир народы, как отмечают евразийцы, в процессе своего исторического развития и совместного проживания

образовали особый культурный мир, «единое культурное целое» [3, с. 287]. Этот мир представляет собой определенного рода целостность, поскольку он обладает единой для всех народов евразийской культурой. Эта культура возникла как результат синтеза, исторической связи культуры русской и культуры византийской, а последующее напластование азиатско-азиатских (влияние Востока) и европейских (влияние Запада) культурных слоев лишь утвердило «евразийское» качество русской культуры [2].

Культура, которая, по мнению евразийцев, является органическим и специфическим единством, живым организмом, должна представлять собой единую систему. Н. С. Трубецкой выделял в здании культуры «верхний» и «нижний» этажи как соответственно две стороны культуры: первая из них должна быть обращена к «вершинам духовной и умственной жизни», а вторая – «к конкретному этнографическому народному фундаменту» [6, с. 371]. В основе культуры как «верхнего», так и «нижнего» этажей должен лежать один объединяющий и организующий принцип – православная вера [6, с. 377]. Именно вера в социальном проекте классических евразийцев является основным связующим звеном, основной скрепой всех евразийских рассуждений. Вне идеи веры и Бога созданная евразийцами модель государства и общества немыслима и неосуществима.

Итак, Российско-Евразийский мир является особым геополитическим и культурным целым, и это целое, согласно евразийцам, «должно держаться внутренним чувством единства отдельных народностей Евразии» [3, с. 287]. Россия-Евразия является многонациональной страной, но вместе с тем она едина как единая симфоническая личность, своеобразная культуроличность. Культура каждого отдельного народа (народности, племени и т.д.) является индивидуацией общерусской культуры. Каждая из них не может совпадать ни с другой индивидуацией культуры, ни с культурой общерусской, но должна дополнять, по-своему олицетворяя и выражая, общерусскую культуру. Для этого, как подчеркивают евразийцы, необходимо, чтобы основой народной жизни были не «потворство эгоистическим инстинктам и голому самоутверждению биологической особи, а примат культуры», личное и национальное самопознание [6, с. 380]. В свою очередь истинное национальное самопознание порождает истинный национализм, который может быть основан только на признании необходимости существования национальной самобытной культуры [7, с. 123]. «Ложный» националист, для которого самобытность национальной культуры не важна, стремится, как утверждают евразийцы, лишь к получению государственной самостоятельности своего народа, к признанию его «великими» державами. Странники ложного национализма не стремятся к самопознанию, не желают быть самими собой, а лишь хотят быть похожими на других, тогда как истинный националист «лишен всякого национального тщеславия или честолюбия» [7, с. 124].

Какую же позицию в этом отношении занимает культура русского народа? Евразийские мыслители выделяют такие ее свойства, как «сверхнациональность» и «соборность». Русская культура, считают евразийцы, не может испытывать чувства «крайнего национализма», в основе которого лежит ненависть одного народа к другому, поскольку она «слишком велика» для этого. Не считая национальность высшей ценностью, евразийцы утверждают, что русская культура «более, чем национальна», но одновременно

с этим она не является интернациональной [8, с. 172]. Русская культура сумела воспитать в себе «вселенское начало». По мнению евразийских мыслителей, русскому народу, сумевшему переступить через проявления своего национального эгоизма, не свойственен национальный партикуляризм. Евразийцы стремятся к признанию права всех народов, проживающих на территории России-Евразии, вести свою, самостоятельную национальную жизнь. Они отрицательно относятся к характеризующей царскую Россию политике обрусения. Евразийские мыслители считают, что каждый из народов, входящих в состав Российско-Евразийского мира, должен получать «полную возможность развить свою индивидуальность и внести свой дар в общее союзное дело» [8, с. 172]. Будущей формой государственного устройства России евразийцы видели федерацию, в которой, по их глубочайшему убеждению, должна существовать полная культурная автономия российских народов, не испытывающих друг к другу враждебных чувств, национального партикуляризма и сепаратизма [8, с. 172]. Равенство национальностей принципиально подчеркивалось евразийскими мыслителями в их социальном проекте [9, с. 301].

В русле таких рассуждений вопрос назревает сам собой: что же в действительности, по мнению классических евразийцев, способно объединить различные народы и национальности, разнообразие их культурных систем в одно органичное целое и задать всем их устремлениям и творческим деяниям одно общее направление? На что должно ориентироваться формирующееся национальное самопознание народов? В качестве такого объединяющего фактора Н. С. Трубецкой выдвигает «единый субстрат государственности», в роли которого в России-Евразии должен выступать субстрат национальный или этнический [10]. Он утверждает, что национальным субстратом российского государства «может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом» [10, с. 423]. Эту нацию евразийцы называют «евразийской», территорию, на которой она проживает, – Евразией, ее национализм – евразийством. «Национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским, т.е. с евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то отдельному народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации» [10, с. 424]. В соответствии с этим должен быть построен и национализм каждого народа: все народы должны представлять лишь части единого органичного целого – общевразийского национализма, а общевразийский национализм в свою очередь должен быть «расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частей воедино» [10, с. 424].

Таким образом, культура России-Евразии представляет собой органическое единство – единую культуроличность, которая «не отменяет отдельных национальных культур, но вбирает их в себя и на основе их образует высшую, наиболее полную и всем национальностям Евразии свойственную культуру, называемую евразийской» [9, с. 301–302]. Равенство народов Евразии в социальном проекте классических евразийцев обеспечивается установлением между ними некоторой «солидарности», «подавлением» проявлений собственного эгоизма ради достижения общественного блага и создания соб-

ственных самобытных национальных культур в рамках создания их частных национализмов, в результате сливающихся в единую евразийскую культуру в рамках общеевразийского национализма.

Особого рода целостность представляет собой Россия-Евразия и в лингвистическом отношении. Народы, населяющие мир России-Евразии, согласно евразийцам, также представляют собой цельное образование – «братство народов», связанных между собой «общностью своих исторических судеб» и объединенных высшей степенью единства [10, с. 425]. В результате того, что они продолжительное время совместно сосуществовали в рамках одного евразийского месторазвития, языковые особенности этих народов, по мнению евразийцев, обнаружили некоторую «общность путей развития». Но, как отмечает Н. С. Трубецкой, подобное сходство в языках не является следствием их генетической связи, т.е. общностью происхождения, а обусловлено продолжительным географическим соседством и параллельным развитием. Такие группы языков, в основе которых нет генетических связей, но есть определенные черты сходства, Н. С. Трубецкой называет «языковым союзом» [11, с. 333]. Языковой союз, сформировавшийся на территории России-Евразии, евразийцы назвали евразийским. Согласно классическим евразийцам, евразийский языковой союз обладает определенными отличительными характеристиками: мягкостной корреляцией согласных, обозначающей, что мягкость и твердость согласных определяет здесь дифференциацию значений слов, и отсутствием мелодической корреляции, что определяет евразийский языковой союз как монотонический. Р. О. Якобсон очертил и территориальные границы евразийского языкового союза. Согласно мыслителю, языки, обладающие в совокупности вышеперечисленными свойствами, распространены на Беломорско-Кавказской, Западно-Сибирской и Туркестанской равнинах, т.е. там, где, как указывал П. Н. Савицкий, сконцентрированы характернейшие географические особенности Российско-Евразийского мира. Евразийский языковой союз заканчивается на юго-западе западным клином евразийских степей, а на востоке, по определенным признакам, с большой вероятностью, в евразийский мир входит «монгольское ядро континента». Евразийцы отмечают, что не везде географические границы евразийского мира четко совпадают с изофонами – границами фонологических явлений. Но в любом случае, как утверждает Р. О. Якобсон, налицо существование евразийского языкового союза [12, с. 182]. Таким образом, в социальном проекте классических евразийцев язык как элемент культуры выступает одним из факторов, объединяющих разные народы в одно единое целое посредством формирования в рамках государственного образования России-Евразии евразийского языкового союза.

Социальный проект классического евразийства представляет собой комплексный феномен, главным принципом которого выступает идея служения благу государственного целого. Идея служения с необходимостью вытекает из утвержденного в евразийской философии принципа соборности, понимаемого как органическое единство частей и целого. Принцип служения в спроектированном евразийцами государстве выступает как основа единения этого государства в одно целое, всегда приводящая его отдельные части к одному знаменателю. А именно: служить, согласно евразийцам, значит выполнять свои обязанности перед государственным целым, но выполнять их не

принудительно, а свободно, исходя из своих нравственных установок, из чувства долга. В своем проекте евразийцы совершают попытку построения правового «гарантийного» государства, вкладывая в понятие права новый смысл и связывая его с концепцией правообязанности. Евразийский правовед Н. Н. Алексеев писал: «...всякое право... функционально связано с известными обязанностями, и, чем больше права, тем тяжелее связанные с ним обязанности» [13, с. 513]. Преобладание «положительной» обязанности в развитии и становлении российского государства является, по мнению философа, его характерной чертой, отличающей его от западных стран. И потому между правами и обязанностями в российском государстве всегда существовала «какая-то более тесная связь», чем на Западе [14, с. 164]. Она-то, согласно евразийцам, и должна быть утверждена в будущем в России. Евразийцы стремились заменить западную концепцию субъективного права концепцией правообязанностей и потому говорили о необходимости утверждения прав конкретного человека, но ограниченных обязанностями по отношению к другим и государству. Их концепция правообязанностей утверждает органическое сочетание обязанностей и прав, их неразрывность. Согласно евразийским мыслителям, пример существования подобной взаимосвязи представляют институты публичного права. По мнению Н. Н. Алексеева, «в публичных отношениях свободная возможность внутренне соединена с долгом», и право здесь становится правообязанностью [14, с. 159]. «Входящее в правоотношения начало публичности, которое есть в то же время начало общественнойности, придает праву характер обязанности, превращает его в правообязанность, и, наоборот, входящее в государственные обязанности начало публичности или общественнойности придает обязанностям характер права» [14, с. 159]. Идеальный государственный строй, по убеждению Н. Н. Алексеева, – это строй, в котором участвующие в правоотношениях стороны правообязаны. А значит, и ведущий слой в государстве должен быть проникнут мыслью о том, что его власть – это не только право, но и обязанность, и управляемые также должны осознавать себя не простыми объектами власти, не только носителями положительных (совершать какие-либо действия) или отрицательных (воздерживаться от действий) обязанностей, но и обладателями правомочий. При этом, утверждает Н. Н. Алексеев, эти правомочия они не должны считать «правами», противостоящими другим «враждебным правам» (как, например, противостояние «прав» народа и «прав» власти, породившее избирательную систему западного права), а должны воспринимать их как «истинные “правообязанности”, то есть как соединенные со свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти» [14, с. 159–160]. В подобном государстве, по мнению евразийцев, могло бы существовать идеальное соединение свободы с повиновением. Н. Н. Алексеев по этому поводу писал: «Повиновение в нем было бы не рабским, но свободным (*libertas oboedientiate*), однако же свобода эта понималась бы не как свобода договора (по Руссо), но как свобода органической принадлежности к целому» [14, с. 160].

Таким образом, «правообязанность», органично связывая право и обязанность как, соответственно, правовую и нравственную категории, выступает основным понятием спроектированного евразийцами государственного строя как государства «гарантийного» и всего евразийского социального про-

екта, утверждая одновременно и заложенный в философии евразийцев принцип соборности и также демонстрируя принцип свободы.

Принцип служения выступает в социальном проекте классического евразийства как всеобщая обязанность, которая, как мы только что выяснили, выполняется не насильственно, а свободно, как нравственно осознанный долг. Государство в таком случае выступает как гарант соблюдения прав граждан этого государства, т.е. как государство «гарантийное», и обеспечивает, таким образом, выполнение двусторонних обязательств подчиненных и власти. Евразийские мыслители говорят о всеобщем, взаимном служении, считая, что служить должны не только граждане своему государству, но и государство своим гражданам, осуществляя одно «общее дело». Принцип служения в социальном проекте евразийцев является нравственным принципом и выступает как основа взаимоотношений между властью и гражданами государства, в которых определяющее значение имеет не утверждение прав, но утверждение правообязанностей. Взаимное служение власть имущих и их подчиненных выступает одним из объединяющих Россию-Евразию факторов, представляя собой служение социальному целому в лице всего общества и государства.

Главным фактором, сплачивающим спроектированный евразийцами государственный строй в единое целое, выступает, согласно евразийским мыслителям, служение идее. «Личность плодотворна и победоносна тогда, когда ее держат и несут упруго-крепкие крылья огромной и творческой идеи», – писал П. Н. Савицкий [15, с. 132]. Одной из задач, которую ставили перед собой евразийские мыслители, является задача взрастить и избрать грядущую «идею-правительницу» и в дальнейшем быть «самоотверженными и действенными подданными идеи» [15, с. 133]. Спроектированное евразийскими мыслителями государство – это государство-идеократия, в котором ведущим «селекционным» признаком отбора правящего слоя должна являться преданность «идее-правительнице». Правящий слой, согласно евразийцам, должен быть объединен не только общностью миросозерцания, но, главное, готовностью пожертвовать собой ради «идеи-правительницы», что придает ему моральный престиж в глазах других граждан. Евразийцы отмечают, что «элемент жертвенности», «постоянной мобилизованности» и тяжелой нагрузки уравнивают те привилегии, которыми обладает правящий слой. С этой точки зрения содержание «идеи-правительницы» должно быть таковым, чтобы ради нее можно было пожертвовать собой, и жертва эта расценивалась бы как «морально ценный поступок» [16, с. 439]. В основе «идеи-правительницы» не могут лежать своекорыстие и эгоизм. Н. С. Трубецкой утверждает, что ценной с точки зрения морали может быть только жертва «во имя какого-то общего дела», т.е. жертва, оправдываемая благом целого, но не какой-либо его части, к которой принадлежит пожертвовавший [16, с. 439]. В роли «идеи-правительницы» в подлинно идеократическом государстве может выступать только благо совокупности народов, «населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства» [16, с. 441]. Согласно П. Н. Савицкому, Россия способна стать «самодовлеющим миром... во всей совокупности отраслей, определительных для человечества» [17, с. 53]. «Идея-правительница», которая, как считают евразийцы,

должна прийти на смену коммунистической идее диктатуры пролетариата, – это идея русской автаркии как экономической самодостаточности Российско-Евразийского мира. Ее воплощением в России-Евразии станет, согласно евразийским мыслителям, построение государственно-частной системы хозяйствования, ставящей во главу угла общее дело и привлекающей к нему также и частных хозяйствующих лиц.

Итак, выстраивая свой социальный проект, классические евразийцы обосновывают геополитическую, культурно-национальную, религиозную, экономическую и социальную целостность Российско-Евразийского мира. И в этом обосновании единства России-Евразии выражается единство учения классических евразийцев, всего евразийства как органического целого, органического синтеза различных областей знания, которые, казалось бы, и не имеют общих точек соприкосновения, но неотделимы друг от друга в евразийской концепции. Социальный проект классического евразийства – оригинальный замысел идеального государственного и общественного устройства России, являющийся практическим измерением теоретических построений классических евразийцев. Он отражает органичность, междисциплинарность всего евразийского учения, основываясь на объединяющем принципе взаимного служения, служения благу государства и общества, автаркического мира, служения идее. В этом стремлении к осуществлению одной, общей цели, одного, единого для всех замысла и заключается в конечном итоге целостность Российско-Евразийского мира.

Список литературы

1. **Исаева, О. С.** Нравственно-философские основания социального проекта евразийцев / О. С. Исаева, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 43–52.
2. **Савицкий, П. Н.** Евразийство / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – С. 81–98.
3. **Вернадский, Г. В.** Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. – М. : Алгоритм, 2008. – 336 с.
4. **Савицкий, П. Н.** Геополитические заметки по русской истории / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – С. 303–331.
5. Евразийство (опыт систематического изложения) // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – С. 13–78.
6. **Трубецкой, Н. С.** К украинской проблеме / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М. : Прогресс, 1995. – С. 362–380.
7. **Трубецкой, Н. С.** Об истинном и ложном национализме / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М. : Прогресс, 1995. – С. 114–125.
8. **Алексеев, Н. Н.** Советский федерализм / Н. Н. Алексеев // Мир России – Евразия: Антология. – М. : Высш. шк., 1995. – С. 153–175.
9. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы // Вестник Челябинского университета. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 2 (3). – С. 282–306.
10. **Трубецкой, Н. С.** Общеевразийский национализм / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М. : Прогресс, 1995. – С. 417–427.
11. **Трубецкой, Н. С.** Вавилонская башня и смешение языков / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М. : Прогресс, 1995. – С. 327–338.
12. **Якобсон, Р. О.** К характеристике евразийского языкового союза / Р. О. Якобсон // Selected writings: Phonological studies. – Berlin : Walter de Gruyter, 2002. – С. 144–196.

13. **Алексеев, Н. Н.** Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – С. 386–624.
14. **Алексеев, Н. Н.** Обязанность и право / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – С. 155–168.
15. **Савицкий, П. Н.** Подданство идеи / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – С. 127–133.
16. **Трубецкой, Н. С.** Об идее-правительнице идеократического государства / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М. : Прогресс, 1995. – С. 438–443.
17. **Савицкий, П. Н.** Пятилетний план и хозяйственное развитие страны / П. Н. Савицкий // Новый Град. – 1932. – № 5. – С. 43–55.

References

1. Isaeva O. S., Kosharnyy V. P. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 1 (17), pp. 43–52.
2. Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [Eurasian continent]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 81–98.
3. Vernadskiy G. V. *Nachertanie russkoy istorii* [Outlines of Russian history]. Moscow: Algoritm, 2008, 336 p.
4. Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [Eurasian continent]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 303–331.
5. *Kontinent Evraziya* [Eurasian continent]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 13–78.
6. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress, 1995, pp. 362–380.
7. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress, 1995, pp. 114–125.
8. Alekseev N. N. *Mir Rossii – Evraziya: Antologiya* [Russian world – Eurasia: Anthology]. Moscow: Vyssh. shk., 1995, pp. 153–175.
9. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser. 10, Vostokovedenie. Evraziystvo. Geopolitika* [Bulletin of Chelyabinsk University. Series 10. Eastern world studies. Eurasism. Geopolitics]. 2003, no. 2 (3), pp. 282–306.
10. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress, 1995, pp. 417–427.
11. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress, 1995, pp. 327–338.
12. Jakobson R. O. *Selected writings: Phonological studies*. Berlin: Walter de Gruyter, 2002, pp. 144–196.
13. Alekseev N. N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf, 1998, pp. 386–624.
14. Alekseev N. N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf, 1998, pp. 155–168.
15. Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [Eurasian continent]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 127–133.
16. Trubetskoy N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress, 1995, pp. 438–443.
17. Savitskiy P. N. *Novyy Grad* [New City]. 1932, no. 5, pp. 43–55.

Исаева Оксана Сергеевна

ассистент, кафедра философии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: oksana_isaeva@mail.ru

Isaeva Oxana Sergeevna

Assistant, sub-department of philosophy,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 1(091)

Исаева, О. С.

Обоснование целостности и единства Российско-Евразийского мира в социальном проекте классического евразийства / О. С. Исаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 109–120.